

Мария Минаева

ВНОЧЬ В МАГИИ

ЛЮБОВЬ
ТРОМЯ

18+

Ключ к магии

Мария Минаева
Любовь тролля

«Автор»

2026

Минаева М.

Любовь тролля / М. Минаева — «Автор», 2026 — (Ключ к магии)

Вторая книга из серии «Ключ к магии» Обретенная магия сделала обычную девушку Терисию целью для короля, но на её стороне верный друг и возлюбленный Вард. Вот только теперь ведьма знает правду про своего надёжного спутника и защитника — он не тот, кем кажется. Вард обманывал её всё это время. Теперь Тери нужно не только спастись от сумасшедшего короля, не только учиться управляться с магической силой, но и понять как быть с Вардом. Неприятности, проблемы, враги и разочарования уже поджидают девушку на её пути. Но также ждут и приятные открытия, понимание себя, глубокие чувства и настоящие чудеса. Простить лгуна или отомстить ему? Помочь больным людям из чужой маленькой деревушки или не вмешиваться, чтобы снова не попасть на костёр? Довериться чувствам или поверить словам? От выбора Терисии зависит будущее не только магии, но всего мира.

© Минаева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12

Мария Минаева

Любовь тролля

Глава 1

Заданный Тери вопрос тяжёлым бременем повис над ними, и это ощущалось физически: холодный лесной воздух вдруг уплотнился и застыл, пронизывающий до костей ветер исчез, а пламя костра стремительно гасло. Девушка выглядела абсолютно спокойной и ожидала ответа спутника. Вард молчал. Всё так же сидел, склонившись над мясом кролика в потухшем костре, на Терисию не смотрел. Внезапно она скинула с себя одеяло, медленно приблизилась к мужчине, а затем голыми руками взяла мясо. Жара не почувствовала, ожоги на коже появлялись и тут же заживали быстрее, чем мужчина мог осознать как это возможно. Девушка разделила еду пополам, протянула часть ещё сырого и сочащегося соком кролика Варду, но мужчина оставался неподвижным.

— Бери и ешь, — скомандовала она непривычно приказным тоном. Мужчина спорить с ним не смел — взял недогоготовленную горячую пищу.

Смотреть в лицо Тери он всё так же не желал, потому и не увидел, с какой хищной жадностью её человеческие зубы впились в плоть его добычи. Девушка не стеснялась есть неаккуратно, быстро запихивая в рот огромные куски и с лёгкостью их проглатывая. Она уже не животное, а что-то потустороннее, желающее утолить голод. В конце своей трапезы Тери всё так же без всякого стеснения вытерла руки и рот о подол своего потрёпанного платья. Выпрямилась и вдохнула полной грудью, ощущая, что растроченные силы не только вернулись с лихвой, но и жаждут проявления, выхода. Боли и ломоты в теле после продолжительной поездки будто и не было, вся усталость исцелилась.

Терисия посмотрела на полную луну в ночном небе, улыбнулась ей как близкой и равной подруге, а кожа, волосы девушки вдруг сами начали светиться холодным лунным светом. Девичье тело легко поднялось в воздух, в мгновение ока, вспорхнуло высоко вверх, словно девушка стремилась достать ладонью до луны в небе. Потом вернулась назад, но зависла над полянкой, где был обустроен костёр. Тери смотрела на мужчину, медленно летая вокруг него кругами. Прислушавшись, почувствовала его бешено бьющееся сердце — такое маленькое, она может его вырвать и сожрать как кусок кролика. Интересно, человеческое мясо такое же вкусное? Вард дышал часто и быстро, и девушка вдруг поняла, что чувствует его страх, но в том страхе смирение со своей судьбой. Жертвенная покорность и... любовь? Да, он даже сейчас любит её. Несмотря на то, что она его бросила, сбежала. Несмотря на то, что она обманывала.

— Мой король троллей, посмотри на меня, — медленно, но всё так же повелительно произнесла Тери, замирая в воздухе перед ним. Вард поднял на неё взгляд, и девушка ещё раз прочла в его глазах ту же гамму чувств, что ощущала раньше. — Мой Вафтруднир, мой Вард. Мой повелитель, мой любовник, защитник и друг, — не смогла сдержать умиленной улыбки. — Держал меня в клетке пленницей. Собирался сожрать. Хотел бросить в каминный огонь. До полусмерти избил цепью. Забрал мою невинность. Почти превратил в тролля и едва не сделал шлюхой для себя и для своих воинов. О, мой король, — Тери звонко рассмеялась, подходя ближе к мужчине, — ответь мне, заслуживаешь ли смерти? Ты хотел убить меня — я сделаю то же самое с тобой. Разве не честно, милый Вафт?

Ничего не отвечая, мужчина опустился на колени — прямо в дотлевающее пепелище костра. Не издал ни звука, хотя по сжатым челюстям было очевидно, что даже головешки были горячими. Тери чувствовала его боль, радовалась ей. По щелчку пальцев девушки пепелище начало самопроизвольно и медленно разгораться; она продолжала пристально смотреть в глаза

мужчины, чья одежда медленно воспламенялась. Терисия захотела проникнуть в его мысли и сделала это без проблем. *«Я заслуживаю это, — твердил внутренний голос мужчины, — убей, убей, убей меня, прошу тебя. Пожалуйста, убей...»*.

— Убить? Почему ты так этого хочешь? — удивилась девушка. — Не поверю, что ты совсем не хочешь жить. А! Это ты так хочешь обмануть меня, да? Чтобы я не убивала, при-творяешься, что жить не хочешь? Хитро. Ты ведь всегда считал себя умным, верно?

Хоть догадка звучала правдоподобно, но смущало Тери другое: фальши в Варде она не ощущала, хотя видела всего его, казалось, насквозь. Пламя под коленями мужчины начало чадить, чёрный дым неприятно щекотал нос — Терисия топнула ногой, и опять появился ветер, да только источником его была сама девушка. Дым вместе с лунным светом и воздушными потоками отлетал от неё, не мешая дыханию, но от этого сильнее воспламеняя костёр.

— Ты читаешь мои мысли, — наконец смог выдавить из себя мужчина, хотя его муки от пламени только увеличивались, — прочти в них, почему я не хочу жить.

Тери положила ладонь на его голову, чтобы проникнуть в более глубокие слои сознания. Но вместо чтения мыслей она оказалась ещё глубже, в памяти мужчины. Та вспыхивала отрывками. Увидела глазами Вафта груды мёртвых троллей внутри знакомого замка. Пять человеческих младенцев на церемониальном одре. Тролля-колдуна, того самого, который обращал Терисию в тролля — старик с выпученными глазами оседал на пол, пока рука Варда вытаскивала из его груди окровавленный нож. Болезненное превращение в человека. Отражение в зеркале — Вафт с отвращением смотрит на своё человеческое тело, но Тери чувствует, что сожалений и сомнений в нём нет. Этого он и хотел.

Девушка убрала руку, открыла глаза. Мужчина не сдвинулся с места. Штаны от колен до бёдер истлели, видна чёрная обуглившаяся кожа.

— Я боялся... не успеть... — с трудом произносил мужчина, теперь обычно непроницаемое лицо отражало всю его боль, — ...спасти тебя. Ты... на костре... не должна была ок-заться... Вот что ты чувствовала. Спасибо... я понимаю...

Наблюдая за тем, как стойчески мужчина принимает свою боль, как терпит и не пытается сбежать даже сейчас, когда следовало бы, Терисия ощутила, как чувства закипают в ней.

— Заткнись!

Взмахом руки по воздуху девушка телекинезом откинула мужчину с пылающего костра. Вард растянулся спиной на голой земле, чудом оставаясь в сознании, но толком не понимая, что произошло.

— Как же я тебя ненавижу! — крикнула Тери, и от крика этого задрожали окружающие деревья.

Девушка нависала над беспомощным мужчиной с яростным лицом. Она готова была продолжить пытки, вложить в них всю невысказанную злость на своего мучителя. Но что-то не позволяло причинять боль далее. Вытянув над Вардом ладони, она делала то, чего не приходилось совершать ни разу в жизни — исцеляла раны силой собственного намерения. Внезапно мысль становилась реальной, а желание помочь мужчине отразилось в том, что его ожоги прямо на глазах у девушки заменялись здоровой плотью и кожей. Даже сожжённая ткань одежды вернулась на положенное место. Терисия переполнена противоречивыми эмоциями, поражена мощью магии.

Эта дикая, невероятно огромная сила странно на неё влияет; девушка вдруг осознала, что на самом деле вначале собиралась съесть сердце Варда. Часть Тери всё ещё хотела этого, ей плевать, если отнимет жизнь своей жестокостью, ведь мук совести нет. Всё равно, что только что пытала огнём, жалости не испытывая, и нет ничего подобного сейчас. Но это же не она, нет, Тери бы никогда не стала... В кого, во что она превратилась?

Дрожащими руками девушка закрыла лицо, но от сумасшедшего волнения даже разры-даться не получилось. Окружающий лес давил разнообразными звуками, Терисия слышала

каждый, с закрытыми глазами видела лес и всех его обитателей насквозь, вдоль и поперёк, даже насекомых. И от этого шума скрыться невозможно, сколько ни закрывай уши, но именно этого и хотелось. Как остановить? Тери начала понимать, что оказалась в западне, выхода нет; вместе с растущей паникой всё ярче холодным сиянием горела кожа девушки, всё сильнее становился ветер от её тела.

Тёплые руки обвили её плечи, спину, гладили по светлым волосам — оправившийся после исцеления Вард обнимал растерянную девушку, и только после осознания этого она убрала ладони от своего лица. В объятиях девичья кожа теряла лунный свет, ветер от тела стихал. Терисия смотрела на мужчину пустым и испуганным взглядом.

— Уйди от меня, — шептала девушка, — уйди, я проклята...

На большой ладони Варда кожа давно огрубела, но, несмотря на это, у него получилось нежно погладить Тери по щеке. От внезапного проявления нежности девушка закрыла глаза, а когда открыла — слезинка скатилась и упала на её дрожащую ключицу.

— Не уйду. Я люблю тебя, — прошептал мужчина, — без тебя я тоже проклят. И проклятая жизнь мне не нужна. Только ты. Ты и есть жизнь моя и моя смерть.

В порыве чувств Терисия первая приблизилась для поцелуя, и Вард потянулся навстречу. Сердца и дыхание обоих замерли перед тем, как полностью слиться друг с другом. Девичьи и мужские губы соединились в поцелуе, долгим и нежном, и страстном поцелуе, каким вечность целует души людские дважды: при рождении и на смертном одре. Да только всегда накануне поцелуя вечности не известно полностью, что будет после того, как губы разомкнутся — конец или начало.

Вафту в бытности троллем не выпадала возможность почувствовать нечто подобное. Мир был понятен, справедлив и достаточно прост. С появлением в жизни короля этой человеческой девушки весь мир перевернулся, но, как стало ясно позже, именно благодаря Терисии всё и встало на место. Вначале, казалось, в ней нет и не может быть ничего, что ему нужно — разве что сочное и молодое мясо. Но сейчас, потеряв суть себя, свою личность, волю и гордость только ради того, чтобы прикоснуться к Тери, он понимал — в ней всё, о чём он и мечтать не смел. Всё, что он не в состоянии перечислить и понять полностью.

Дело ли в её нежности? В податливости, обволакивающей и заставляющей забыть о том, кем он был раньше и чего хотел? В искренности, просачивающейся даже через тонны лицемерия, под которым она пыталась себя спрятать и защитить? В воле к жизни? В добром сердце? В предательстве в угоду свободе? В хитрости, изобличающей острый ум? Вафт не понимал, что из этого заставило убить восставших против него собратьев, даже родного дядю, превратиться в человека и бежать за ней следом, словно верный пёс. Вард — защитник, он назвал себя так не случайно. Он сам взвалил на себя эту повинность, даже не надеясь ни на прощение девушки, ни на дружбу.

Но поцелуй оборвался. Терисия, первая захотевшая коснуться губ мужчины, первая же и отстранилась. В девичьей руке под лунным светом блеснула толстая и длинная цепь.

— Я не верю тебе, Вафтруднир.

Тихо звякнув, цепь натянулась. Оказывается, она прикована к такому же металлическому ошейнику под подбородком мужчины. Его, как самое настоящее животное посадили на привязь, но вместо отчаяния Вард, радостно ощупывая цепь и ошейник, улыбался.

— Спасибо, — он, не скрывая своей радости, бросился к рукам девушки, чтобы покрыть их поцелуями. На одном из её запястий на браслете закреплён второй конец цепи. — Именно об этом я и мечтал, моя прекрасная королева.

Радость мужчины вполне оправдана, и он действительно получил то, что хотел — теперь они неразлучны. Он не потеряет Терисию во второй раз.

Глава 2

Лес оказался значительно больше, чем представлялось в начале. Погоня, которая, как считали Тери и Вард, была организована за ними после побега из таверны, не позволяла повернуть назад, но и вперёд они шли без карты, вслепую. В путешествии по лесам в любое время года и в любую погоду для бывшего тролля не было ничего нового. Но прежде всю жизнь он с друзьями охотился только в прилегающих к родовому замку лесах, у реки и возле ближайших деревушек. Теперь же лес был совсем другой, даже деревья отличались — вместо толстых столбов вековых растений с густыми кронами тут деревья тонкие, слабые, с давно облетевшими из-за холодов листьями. Большинство не пригодны ни для костра, ни для укрытия от ветра.

Но тревоги мужчины улетучивались и превращались в восторг, ведь он стал свидетелем всё новых чудес, совершаемых Терисией. В мгновение ока девушка передела их в подходящую зиме тёплую одежду. Когда лошадь подвернула ногу, то вылечила её прикосновением, а потом ещё и сделала так, чтобы животное не мёрзло от холода. Охотиться в этом жидком и странном лесу Вард не мог, только время тратилось впустую. Тогда Тери просто из воздуха материализовала им разнообразный и сытный обед, ещё и горячий. Таким же образом она создала негаснувший костёр для обогрева и палатку из шкур, чтобы переночевать. Ночью, когда мужчина и его спутница делили одну постель в той палатке, Терисия позволила и обнимать, и прижимать себя очень близко. Вард радовался этому как ребёнок.

Плывать на цепь и ошейник, мужчина успел забыть о них, ведь почти сразу после того их разговора девушка сделала оковы невидимыми, беззвучными и почти невесомыми. Мужчина без проблем мог уходить от своей госпожи на несколько рут, и только там ощущал, что нужно остановиться. Если это рабство, а он раб, то, став хозяйкой, девушка не изменила себе — очень щадяще отнеслась к нему, его комфорту, чувствам. Вард с болью вспоминал, что сам не так заботился о Терисии, когда она была рабыней его воли и прихотей — месяцами позволял спать в неудобной и тесной клетке вместо того, чтобы сразу сделать всё правильно, то есть положить рядом с собой на кровать. И почитать как королеву, богиню, которой она является даже без магии. Каким же дураком он был, а думал, что самый умный.

Желание искупления вины перед Тери заставляло мужчину стараться больше для неё, и в прислуживании он находил наслаждение, но только если оно удовлетворяло девушку. Госпожа была молчалива, но Вард знал, что она в любом случае видит все его мысли и чувства. Он не пытался притворяться, ведь верил, что когда-то она действительно поймёт, что он честен с ней. Да, та её фраза о неверии навсегда отпечаталась в его памяти. Впрочем, если бы кто сказал ему, жестокому и кровожадному троллю, что он станет человеком и будет обувать и разувать женщину, массажировать её ноги, отирать уголки её губ от крошек после обеда, расчёсывать волосы и прислуживать, то тролль-король из прошлого плюнул бы такому болтуну в лицо, а потом, наверно, снёс башку с плеч. Сложно поверить в такие изменения, недоверие Терисии оправдано.

Очередное утро путешествия принесло им сильный снегопад. Белоснежными сугробами занесло всё вокруг, заметно прогнулись стены палатки под натиском снега. Мужчина проснулся от ржания лошади под соседним навесом. Видимо, проспали они дольше обычного, и животное проголодалось. Но на мягком лежаке и под толстой меховой шкурой было тепло и уютно, негаснувший костёр грел ноги, а рядом, тесно прижавшись к нему, лежала Тери. Вард сначала подумал, что она ещё спит — самая веская причина не вставать, ведь тогда можно потревожить её сон. Но девушка, положив голову ему на грудь, смотрела на снегопад и будто только и ждала, когда проснётся её спутник, ведь заговорила почти сразу же:

— Во сне я выходила из тела, — не поворачиваясь к Варду, тревожно произнесла Терисия, — хотела проверить, где кончается лес. Духом проще и быстрее летать по окрестностям.

Я поднялась над деревьями и летела по ночному небу, пока не увидела огни внизу. На север от нас есть поселение. Далеко, я ещё не чувствую никого из людей отсюда. Если бы не увидела своими глазами, то не поверила бы, что такая большая деревня может появиться посреди леса.

— Посреди леса?

— Да, именно. Лес замыкает село в круг, окружает со всех сторон, — девушка приподнялась. — Эти люди ещё глупее, чем жители моей деревни. Те хоть на каком-то расстоянии додумались построить своё жильё, а не внутри леса.

Вард вздохнул и улыбнулся.

— Но это другой лес, моя королева, — он аккуратно убрал с лица Тери локон, — видимо, тут людям нечего бояться. Тут нет троллей.

— А как же ты?

Лицо Тери было абсолютно серьёзным, но в глазах плясали злорадные искры. Видя девушку такой мужчина опешил, не сразу нашёл что ответить, но и взгляд не отвёл, не спрятал.

— Я человек теперь, — мягко сказал он, — как и ты.

Терисия вдруг начала смеяться, залиvisto и искренне. Дрожа от смеха, рухнула на грудь Варда, обвила её руками, просовывая ладони под спину. Затем крепко, с неприсущей хрупкой девушке силой, сжала свои объятия, всё ещё заливаясь смехом.

— А ты уверен, что я всё ещё человек? — сжала сильнее, уже начала ощущаться боль, дышать сложнее. — Уверен?

Уже давно мужчина думал о том, что полученная сила влияет на девушку, которую он полюбил, очень негативно. Без магии они бы с ней не выжили, но чем чаще сила применяется, чем шире полёт фантазии, тем меньше в Терисии остаётся самой Терисии, прежней искренней и доброй девушки. Появляется безжалостный монстр, могущественное существо с безграничной властью, которому плевать на всё и всех. Казалось, ещё мгновение, ещё минута и не будет Тери, но что-то всё равно сдерживало её от превращения в чудовище. Интересно, что именно?

— Значит, вот кем ты меня считаешь? — сжимающая рёбра Терисия прочитала все мысли мужчины под собой и начала сжимать сильнее. — Монстром? Чудовищем? А говорил, что любишь, лжец!

— Я люблю тебя! — не смог сдержать крика мужчина, из смертельных объятий он и не пытался вырваться, но боль становилось всё невыносимей. — Люблю монстром, люблю чудовищем. Люблю кем угодно, люблю! Убей меня — любить не перестану...

Тери выпустила Варда из объятий, разжала свою железную хватку, которая вот-вот могла превратиться в смертельную. Лицо девушки не выражало никаких эмоций, кроме холодной и разрушительной ярости. Откинув шкуру животного, она встала и начала поправлять съехавшую во время сна одежду, — оба спутника спали полностью одетыми.

— А я никогда тебя не любила, — грубо произнесла Тери. — Ни когда целовалась, ни когда отдавалась. Врала тебе всё время.

Этот выпад был произнесён на одном дыхании, но потом оно будто замерло — девушка ждала ответа, реакции Варда.

— Я знаю, — мужчина поднимался с их ложа, аккуратно сворачивая шкуры в свитки. — Поэтому ты и сбежала тогда. Я понял, что ты врала. — Мужчина подошёл к ней ближе, чтобы расправить завернувшийся капюшон её одеяния. — Но ещё я понял, что это нужно было для выживания. Ты поступила правильно, моя королева.

Глаза девушки злобно сощурились, пока она следила за движениями своего раба. Она хотела бы видеть за этими сладкими речами лицемерную суть, но Вард был полностью искренен с ней. Это и пугало, и злило, но будто бы и приводило в себя, действовало как противоядие против пожирающей рассудок ненависти. Его честность словно исцеляющий поцелуй для большого горячечной яростью человека.

Бывший тролль добрее к ней, чем Тери когда-либо была к нему — она-то легко позволяла себе лицемерить, чтобы сохранить собственную жизнь. Он же говорит правду, чтобы остаться рядом, из-за чего рискует быть убитым чудовищем в её лице. Сила внутри девушки для неё самой кажется неуправляемой, в этом мужчина был прав; это сила проглотит и её саму, и Варда, и, не исключено, что и кучу невиновных людей в придачу. Терисия вдруг увидела, насколько слабовольна и ничтожна даже сейчас, став на самом деле всесильной. Теперь из-за дара она опасна для окружающих, стоит держаться от всех подальше.

Так ничего и не ответив мужчине, Тери вышла из палатки, без особых усилий убрала мешающие сугробы магией. Перед проголодавшейся лошадей появилась тёплая вода, сено, овощи, зерновая смесь, а затем так же по щелчку пальцев материализовался большой деревянный стол с богатыми кушаньями. Удивительно, но сейчас, когда можно было получить всё, что только она пожелает, Тери не испытывала радости и восторга от пищи. Больше удовольствия было от мешка с едой, брошенного в её клетку, и уж точно ни одно из наколдованных из воздуха блюд не сравнится с кашей с сосисками и кофе, которые она нашла на тумбочке у кровати, когда впервые оказалась в таверне. Тогда она ела с аппетитом, а сейчас просто ковырялась в еде, пока голова занята тяжёлыми думами.

Варду тоже кусок в горло не лез. Пища успела остыть, и только тогда он решился заговорить с девушкой:

— Моя королева, что-то случилось? Ты почти ни к чему не притронулась.

Тери отбросила вилку и оттолкнула от себя тарелку.

— Думаешь, стоит идти к тем людям? — она исподлобья посмотрела на мужчину. — В ту деревню, что к северу от нас?

— Если королева хочет, то...

— Нет, давай без этого, — резко перебила его девушка, — единственное, что хочет сейчас твоя королева, это знать твоё мнение. Стоит нам идти туда или нет?

Растерянный Вард только и мог, что вздохнуть и отвести взгляд.

— Не знаю. Моё мнение не ново, и тебе известно — я последую за тобой везде, приму любое решение и выполню любой приказ.

— Вафт, просто скажи мне, чего ты хочешь, — не успокаивалась Тери, — хватит мямлить! Чего ты хочешь прямо сейчас, скажи мне! Я требую!

Мужчина вполне привык и к повелительному тону, и к подчинению девушке, но сейчас, когда от него требовали проявить свои желания, озвучить собственные мысли, голова словно отключалась. Что говорить? Что удовлетворит её, какой ответ успокоит? Да и что сам он хочет, действительно? Ни одного вразумительного ответа в голове не было. Вард привык отказывать самому себе в желаниях в угоду Терисии, что теперь, казалось бы, растерял их полностью. Или не полностью? Нет-нет, что-то в глубине души его ещё живо, задавленный самоконтролем и жертвенностью жёсткий характер готов был проявиться.

— Чего я хочу, ты это хочешь узнать? — в голосе мужчины скользнули знакомые ледяные, жестокие нотки короля троллей. — Я хочу тебя. Хочу раздеть тебя догола и раздеться самому, хочу с тобой войти в палатку, где мы спали. Хочу взять тебя так грубо, как могу и как мечтал, пока спал с тобой долгие ночи в таверне бок о бок. Хочу быть с тобой нежным, ласкать и целовать всю тебя. Я хочу повторять это опять и опять, опять и опять, пока у меня не кончатся силы. Хотя плевать на палатку, — рот мужчины искривился в улыбке, — я могу сделать то же самое с тобой здесь, на столе этом. Или на снегу. В луже. В грязи. В преисподней. Где угодно. Я хочу подарить тебе удовольствие, хочу чувствовать твоё тело в своих руках, хочу слиться с тобой.

Глаза девушки удивлённо округлились во время ответа мужчины. Терисия уже привыкла видеть раба спокойным, похоть не была видна ни в одном его слове или действии, а тут такое...

Когда Вард замолчал, девушка ещё некоторое время не знала, чем ответить на подобные откровения.

— Вообще-то, я спрашивала про деревню, — в голос Тери вернулась робость.

— Мне плевать на деревню, — к мужчине, наоборот, возвращалась прежняя требовательность. — Я буду хотеть тебя там точно так же как и здесь. Хочу любить тебя, королева, и быть с тобой где угодно.

— Соитие и значит для тебя любовь? — неуверенно спросила девушка.

— Овладеть тобой в постели означает проявить любовь, да. Это не единственный способ проявления чувств, но для меня самый привычный. Я люблю тебя и головой, и телом. И для последнего соитие и близость тел — высшее наслаждение, триумф и манифест любви.

— А что тогда триумф любви для головы?

— Говорить с тобой. Быть рядом. Защищать тебя. Слышать твоё дыхание ночью. Заботиться о тебе. Всё остальное, что не связано с прямым удовлетворением физического желания.

Кивнув словам мужчины, Терисия поднялась из-за стола. Жестом заставила палатку исчезнуть, а костёр потухнуть. Вард, только сейчас осознавший степень откровенности разговора между ними, поднялся из-за стола следом. И едва он это сделал, как и стол с недоеденными угощениями растворился в морозном зимнем воздухе, оставляя одни только аппетитные ароматы от уже исчезнувшей еды.

— Мы поедem в деревню, — объявила девушка не столько для Варда, сколько для самой себя.

Мужчина молча отправился седлать лошадь. Сейчас сильнее, чем за столом, ему стало неловко за свои слова, высказанные желания, почти требование близости. Да, это всё было правдой, но что толку? Больше всего он переживал сейчас, что испугает Тери всем этим, что она опять увидит в нём только похотливое животное и захочет убежать, оставить его. Он не представлял себе, что будет делать, если подобное случится вновь, и рад был вспомнить о цепи, которой Терисия раньше сковала себя с ним.

Когда мужчина и девушка сели на лошадь, были предприняты все необходимые меры для запутывания преследований. Тери сделала так, чтобы следы от копыт на снегу не оставались, а место их стоянки и костра она легко скрыла под толстым слоем снега.

Глава 3

Пронизанное разными видами световых волн пространство не имело ни кислорода, ни времени, существовало вне любого из осязаемых измерений. В нём не было ни начала ни конца, но были свои жители — сгустки чистого света, вспышками появляющиеся, где им угодно. В этом месте нет деревьев, зданий, неба, земли, но живущие здесь сгустки света интуитивно осознают границы владений друг друга, а общаются исключительно беззвучно — телепатически.

Во священных владениях Семи собрались все, кого на собрание пригласили. Между семи огромных, живых и пульсирующих энергией солнц небольшой огонёк восьмого светового сгустка терялся, был малозаметен. Одно из солнц после продолжительного и невыносимо тяжёлого молчания заговорило:

«Рихарда, это чудовищно! Что ты натворила?»

Маленький сгусток сжался и затрепетал, но оставался безмолвным.

«Та девчонка садистка! Она мучила влюблённое в неё существо просто так, не испытывая мук совести», — вторило ещё одно солнце.

«Ты понимаешь, что создала чудовище, Рихарда?» — осуждал первый сгусток света. — *«Чудовище, которое будет черпать наслаждение в насилии, убийстве, издевательствах. Сколько городов, людей она успеет уничтожить на протяжении собственной жизни? Ты обрекла людей на страдания».*

Соседние солнца живо поддерживали осуждение:

«Как опрометчиво, Рихарда!»

«Как глупо с твоей стороны! Чем ты думала?»

«Почему ты отдала силу первой встречной?»

Первая солнечная вспышка громогласно скомандовала: *«Молчать»*, и все моментально затихли. Тогда свет обратился к маленькому сгустку:

«Что ты можешь сказать в своё оправдание?»

Трепещущий огонёк будто совсем не умел говорить, ведь за всё время, пока его ругали, и звука не издал. Однако после призыва к ответу женский взволнованный голос начал воодушевлённо оправдываться:

«Это девчонка, Тери, Терисия... не казалась мне плохой. Я изучила её, честно просмотрела полностью всё её прошлое, все чувства перебрала. Она казалась мне ничем не хуже любого предыдущего Ключа. Я бы даже не подумала, что она...»

«Ты объяснила ей правила?» — речь небольшого сгустка перебило ещё одно солнце, прежде сохранявшее молчание.

«Конечно! Рассказала ей про узлы, про то, что нельзя делать ничего, о чём она будет жалеть... Показывала, как перемещаться в прошлое, чтобы исправлять сделанное. Она всё очень быстро поняла вроде бы...»

«Ни черта она не поняла!» — негодовал сгусток, — *«Или ты объяснять не умеешь, или ты выбрала человека без совести! Отдала магию в руки изуверу!»*

Из-за этого особенно агрессивного тона небольшая вспышка света вновь испуганно затрепетала, повторяя быстро и часто: *«Простите, простите, простите меня... простите, простите...»* По сравнению с предыдущим спикером речь первого солнца в своей холодности и спокойствии действовала на маленькую вспышку успокаивающе:

«Ты допустила ошибку, Рихарда. Очень серьёзную. Этот человек не подходит на роль Ключа. К сожалению, сейчас процесс необратим. Впредь мы примем меры, чтобы недостойные индивиды не были допущены к магии. Надеюсь, ты рада, Рихарда, что из-за тебя вводятся подобные ограничения и дополнительные проверки. Доверие к себе ты безвозвратно подорвала.

Ты первая ведьма за все поколения, которая не смогла сделать элементарного — найти за время своей не короткой жизни достойного преемника. Тебе должно быть стыдно за это».

«Мне стыдно, очень и очень стыдно...» — плачущим голосом подтвердил небольшой световой сгусток. — «Меня постоянно предавали... Все были подкуплены или принуждены к предательству нашими врагами. Последний, кому я поверила, и вовсе... вы же знаете... расчленил моё тело, чтобы не дать мне регенерировать», — голос говорившей вспышки окончательно перешёл в рыдания.

«Это не оправдание», — тон самого агрессивного из солнц оставался всё таким же бескомпромиссным и безжалостным, — «а новое подтверждение твоей тупости. Ундина, сделавшая тебя Ключом, тоже была душой, но не такой конченной».

«Видимо, дуры испытывают особенную симпатию к тем, кто ещё тупее их. На их фоне чувствуют себя увереннее и умнее», — насмешливо произнесло ещё одно солнце.

«Так и есть! Омерзительно быть такой тупой, Рихарда», — продолжал агрессивный сгусток света. — «Ты могла вернуться в прошлое, чтобы не позволить себя расчленить! Почему ты этого не сделала? Ах да, ты же устала. Утомилась в должности Ключа, бедная труженица. Сколько ты там прожила? Лет триста, четыреста? Тоже мне, просто подняла лапки вверх, сдалась как последняя слабачка. Превратилась в духа в таверне, ждала чего-то. Ты ждала избранного, да, Рихарда? Что он сам придёт к тебе и попросит силу? Уму непостижимо! Ждала!.. У тебя вообще мозгов нет?»

Маленькая вспышка продолжала всхлипывать, у неё сил не было ни чтобы отвечать, ни даже продолжать просить прощения, как она это делала раньше. Истерика длилась достаточно долго, и словно не собиралась заканчиваться, что мешало продолжению собрания. Одно из стоявших поодаль солнц приблизилось к небольшой вспышке, а та отпрянула, боясь новых укоров или осуждения, но ничего из этого не последовало:

«Спокойно, спокойно, милая, — мягко проговорил бархатистый голос, — ты сделала то, что могла. Успокойся, мы же просто размышляем над нашим положением. Мы здесь не для того, чтобы ругать тебя за слабость. О нет, милая, совсем не за этим».

«Нет, нет, Высочайшие владыки, вы полностью правы», — запротестовал маленький огонёк, — «Я виновата во всём. Мне... Я прожила духом несколько дней, сознательно не хотела возвращаться в прошлое из-за своей глупости и слабости. Вы правы. Я спешила отдать обязанности, возложенные на меня, первой попавшейся девчонке, которая откликнулась на зов и зашла ко мне. Не знаю, как я могла в ней так обмануться. Она мне казалась самой обычной, нормальной и правильной».

Когда вспышка договорила, повисло тяжёлое и давящее молчание. Нарушило его вновь одно из солнц:

«Это всё замечательно, но что делать дальше? Новый Ключ не такая уж добрая и чистая душа, и, вероятно, совести и милосердия в ней вообще может не быть. Но дальше-то что? Мы просто позволим ей творить свои гадости и ничего не предпримем?»

Чувствовалось, что разговор переходил на новый уровень, к такой беседе допускались только избранные. Первый и главный сгусток света без всяких объяснений скомандовал мелкой трепещущей вспышке: *«Оставь нас»*, и та мгновенно телепортировалась прочь. Только после этого можно было отвечать на ранее заданные вопросы:

«Нам без разницы, каким образом Ключ открывает магию миру — через массовые убийства или через оживления покойных. Она проводник. Чем больше задействует силы из мира, тем больше силы поступит к нам. Нам выгодно, чтобы она использовала магию много, свободно осуществляла любые свои фантазии и всецело поддавалась склонностям. Сами склонности и методы значения не имеют».

Неловкая пауза, повисшая между солнцами, свидетельствовала о том, что и для них эта информация новая и непривычная.

«Тогда в чём смысл, Первый? Зачем мы ищем только добрых, скромных и совестливых? У них фантазии хватает разве что на то, чтобы себе зад потереть. Ни о каком размахе в использовании магии речи не идёт!»

«Тише едешь — дальше будешь», — спокойно ответило первое солнце, — «В этом смысл, Пятая. Жадность погубит нас, умеренность — спасёт от забвения. Совежливые люди — слабые проводники, но их скудные проявления магии привлекают меньше внимания. Ключам нужно оставаться втайне. Если ими завладеют не те, это будет иметь ужасные последствия».

«Но теперь новый Ключ выдаст себя!» — воскликнула одна из вспышек. — «Она же ненормальная! Мы не можем это просто так оставить!»

«Новый Ключ умрёт раньше, чем наши враги доберутся до неё», — спокойно ответило первое солнце. — «То количество энергии, которую она через себя пропускает, разрушит её тело до основания. Говорю же, жадность губительна. У всего есть мера, а человеческие проводники очень хрупкие».

«Но если она умрёт до того, как найдётся новый Ключ...»

«Обсудим это позже».

Остальные сгустки ничего не сказали. Не сговариваясь друг с другом, каждое солнце телепортировалось в свои владения общего бесконечного пространства.